

Конец крестного пути Николая Клюева

Письма, материалы, документы

Из справки на арест, подписанной нач. 3-го отд. Томского ГО НКВД лейтенантом госбезопасности Великановым и утвержденной капитаном госбезопасности Овчинниковым. *)

Клюев Николай Алексеевич, беспартийный, русский, гр. СССР. В Томск выслан за контрреволюционные преступления, по своему прошлому принадлежит к реакционной части поэтов монархического направления.

Колпашев, июнь 1934 года. Из письма Н.А.Клюева поэту С.А.Клычкову.

Дорогой мой брат и поэт, ради моей судьбы как художника и чудовищного горя, пучины несчастья, в которую я повержен, выслушай меня без борьбы самозлюбия. Я сгорел на своей Погорельщине **) как некогда сгорел мой прадед протопоп Аввакум на костре пустозерском. Кровь моя волей или неволей связует две эпохи: взаренную смрастными кострами и запалами самосожжений эпоху царя Федора Алексеевича и нашу, такую юную и поэтому многого не знающую. Я сослан в Нарим, в поселок Колпашев на верную и мучительную смерть. Она, дырявая и свирепая, стоит уже за моими плечами. Четыре месяца тюрем и этапов, только по странным календарю скоро проходящих и легких, обглодали меня до костей. Ты знаешь, как я вообще слаб здоровьем, теперь же я навсегда загублен, визвь опухли, сильнейшее глос-

*) О капитане Овчинникове см. стр. . Судьба Н.С.Великанова сложилась иначе. Работая во время войны в органах "Смерш", он дослужился до полковника (имя его упоминается в документах по делу шведского дипломата Рауля Валленберга, интернированного в 1945 году в Будапеште и, повидимому, вскоре погибшего на Лубянке или в Бутырках). Затем руководил Томским областным управлением МГБ и с повышением был переведен в Прибалтику.

**) Погорельщина - поэма Н.А.Клюева (1828 г.). Ее распространение в литературных кругах Москвы и Ленинграда и послужило одним из поводов для ареста поэта и осуждения его по ст. 58-10 к ссылке на 5 лет. См. Николай Клюев. Стихотворения и поэмы. Томск, Томское книжное издательство, 1990 г. (прим. редактора)

вскружение, даже со рвотой, чего раньше не было. Поселок Колпашев — это бугор глины, усеянный почерневшими от бед и непогодиц избами, дотуга набитыми ссыльными. Есть нечего, продуктов нет или они до смешного дороги. У меня никаких средств к жизни, милостыню же здесь подавать некому, ибо все одинаково рыщут, как волки, в погоне за кровью. Подумай об этом, брат мой, когда садишься за тарелку душистого домашнего супа, пьешь чай с белым хлебом! Вспомни обо мне в этот час — о несчастном — бездомном старике поэте, лицемерие которого заставляет сдрогать даже приученных к адским картинам человеческого горя спец-переселенцев. Скажу одно: "Я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!" Небо в локмотьях, косяки, налетающие с тысячеверстных болот дожди, немолчный ветер — это зовется здесь летом, затем свирепая 50-градусная зима, а я голый, даже без шапки, в чужих штанах, потому что все мое выкралив общей камере шалманы. Подумай, родной, как помочь моей музе, которой зверски выколоты провидящие очи?! Куда идти? Что делать?

Колпашево, июль 1934 года. Из виявления Н.А.Клюева во ВЦИК (адресата не достигло).

Во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

Административно ссыльного в Нарымский край

в поселок Колпашево поэта Клюева Николая Алексеевича

Заявление

После двадцати пяти лет моей поэзии в первых рядах русской литературы я за безумные непродуманные строки из моих черновиков, за прочтение моей поэмы под названием Погорельщина, основная мысль которой та, что природа выше цивилизации, сослан

Московским ОГПУ в Нарым на пять лет.

Глубоко раскаиваясь, сквозь кровавые слезы сознания нелепости своих умозрений, невыносимо страдая своей отверженностью от общей жизни страны, ее иной культуры и искусства, я от чистого сердца заявляю ВЦИК-комитету следующее:

"Признаю и преклоняюсь перед Советской властью, как единственной формой государственного устройства, оправданной историей и прогрессом человечества!"

"Признаю и преклоняюсь перед партией, всеми ее директивами и бессмертными трудами!"

"Чту и воспеваю Великого Вождя мирового пролетариата товарища Сталина!"

Обязуюсь и клянусь все силы своего существа и таланта отдать делу социализма.

Прошу помилования.

Если же помилование ко мне применено быть не может, то усердно прошу о смягчении моего крайне бедственного положения.

Я инвалид второй группы. Климат Нарыма, повальная малярия, отсутствие специальной мед-помощи, непосильная дороговизна бытовых сторон грозят мне неизбежной гибелью.

Если я недостойн помилования, то усердно прошу уменьшить мне срок ссылки, дать мне минус шесть или даже минус двенадцать*) без прикрепления к одному месту.

Все это спасло бы меня от преждевременной смерти и дало бы мне, переживающему зенит своих художнических способностей, возможность новыми песнями искупить свои поэтические вины.

---

*) Запрет проживания в шести или двенадцати городах Союза (Москве, Ленинграде, Киеве и т.д.), мера пресечения, изобретенная еще до революции (прим. редактора).

Справедливость, милосердие и русская поэзия будут ВДИК бла-
годарны.

12 июля 1934 г.

Николай Клюев

Адрес: Северо-западная Сибирь, поселок Колпашево.

Из письма Н.А.Клюева дирижеру Большого театра СССР Н.С.Го-
лванову.

Северо-Западная Сибирь,

поселок Колпашево,

25 июля 1934 г.

Дорогой Николай Семенович, прошлую зиму я был поставлен в
очень тяжелые и невыносимые жизненные условия и в силу их от-
давался от многих драгоценных моему сердцу людей, стараясь ли-
шний раз не быть и у Вас, подвергаясь, быть может, дурному о
себе самому пониманию, но ради моей судьбы, как художника и че-
ловека, прошу Вас, помогите мне участием, ибо вся моя надежда
на помощь тех, кто не может пройти мимо трагедии поэта. Я со-
слан за поэму "Погорельщина", ничего другого за мной нет. Ста-
тья 58-ая, пункт 10-й, предусматривающий агитацию.

Я неминуемо погибну без помощи со стороны.

Услышьте, помогите!

Сообщите телеграммой, возможно ли через Вас передать лично
Калинину или Воршилову мое заявление о помиловании. Это самый
верный путь к моему спасению.

Прошу великую Нежданову о помощи.

История и русская поэзия будут Вам благодарны. Целую ноги
Ваши и плачу кровавыми слезами.

Николай Клюев.

Томск, 15 января 1934 года. Из письма Н.А.Клюева Н.Ф.Христо-
форовой=Садомовой, московской знакомой поэта, подруге певицы
Н.А.Обуховой.

На самый праздник Покрова меня перевели из Колпашева в го-
род Томск, это на тысячу верст ближе к Москве. Такой перевод
нужно принять как милость и снисхождение, но, выйдя с пархо-
да в ненастное и студеное утро, я почувился второй раз в сил-
ке без угла и без куска хлеба. Умыло со своим узлом я побрел
по неизмеримо грязным улицам Томска. Кой-где присаживался то
на случайную скамейку у ворот, то на какой-либо приступок;
промокший до костей, голодный и холодный, уже в потемки я по-
стучался в первую дверь казачьего старинного дома на глухой
окраине города — в надежде выпросить ночлег Христа ради. К мо-
ему удивлению, меня встретил средних лет, бледный, с кудрявыми
волосами и такой же бороздой, человек — приветствием: "Приве-
дение посылает нам гостя! Проходите, раздевайтесь, вероятно,
устали". При этих словах человек с улыбкой стал раздевать ме-
ня, придвинул стул, встал на колени и стал с моих ног густо
облепленные грязью сапоги. Потом принес валенки, постель с по-
душкой, быстро наладил мне в углу комнату ночлег. Я благодарил,
едва сдерживая рыдание, разделся и улегся — так как хозяин ни
о чем не расспрашивал, просил только меня об одном: успокоить-
ся, лечь и уснуть. Когда я открыл глаза, было уже утро. На сто-
ле кипел самоварчик, на деревянном блюде черный хлеб...

Томск, январь 1934 года. Из письма Н.А.Клюева жене С.А.Ключ-
кова литературоведу В.Н.Горбачевой.

До отчаяния нужно мало-мало денег. У моих хозяев в январе
освобождается комната 20 руб. в месяц — два эма, ход отдель-

ный, пол крашенный, печка на себя — то-то была бы радость моему бедному сердцу, если бы явилась возможность занять ее, отдохнуть от чужих глаз и вечных потычки! Госноди, неужели это сбудется?! Мучительней нет ничего на свете, когда в тебя спятываются чужие люди. Крик, драка, пьянство. Так ли я думал дожить свой век...

Томск, декабрь 1934 года. Из письма Н.А.Клюева В.Н.Горбачевой.

В Томске глубокая зима. Мороз под 40°. Я без валенок, и в базарные дни мне реже удается выходить за милостыней. Подают картошку, очень редко хлеб. Деньгами от двух до трех рублей — в продолжение почти целого дня — от 6 утра до 4-х дня, когда базар разъезжается. Но это не каждое воскресенье, когда и бывает мой выход за пропитанием. Из поданного варю иногда похлебку, куда полагаю все: хлебные крошки, дикий чеснок, картошку, брэкву, даже немножко клеверного сена, если это попадет в крестьянских возах. Пью кипяток с брусничкой, но хлеба мало. Сахар великая редкость. Впереди морозы до 60°, но мне страшно умереть на улице. Ах, если бы в тепле у печки! Где мое сердце, где мои песни?!

Из стихотворения Н.А.Клюева.

Стариком, в лохмотья одетым,
Притапцусь к дровяной ограде...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!

Томск, 16 января 1989 года. Из выступления врача Нины Ин-

нзкентьевны Геблер на благотворительном вечере памяти Н.А.Клюева в Томском Доме ученых.

...Многое из совсем недавнего прошлого помню далеко не так хорошо, как хотелось бы. А эта встреча будто была вчера.

Я шла по Каменному мосту — мы жили тогда неподалеку, на улице Розы Люксембург, — когда увидела необычного человека. Мне он запомнился высоким, во всяком случае, выше среднего роста, склонным к полноте, пожалуй, какой-то нездоровой. Черные с проседью волосы, подстриженные в кружок, усы, борода. Синяя в белую полоску косоворотка с пояском, рваные ботинки, сандалии на босу ногу.

— Барышня, — какая я барышня, я уже замужем была, да и обращение "барышня" для того времени казалось необычным, но выглядела молодо, да и было мне всего двадцать один год, — подайте милостыню на пропитание знальному обнищавшему поэту Николаю Клюеву.

Я закончила тогда четвертый курс медицинского института, за литературой следила не очень внимательно, но имя Клюева мне было хорошо известно — муж знал и любил его творчество и где-то доставал всякие запрещенные к тому времени книги. Но как это бывает у студентов, денег при себе у меня не оказалось. Набралась смелости и пригласила его к нам домой отобедать. Николай Алексеевич согласился. С тех пор, с лета тридцать пятого года, он иногда заходил к нам, читал стихи — ничего я, конечно, не записала, беседовал, в основном — с мужем. А в тридцать седьмом, в начале лета, что-то его визиты прекратились и мы сами зашли к нему, но было уже поздно — "взяли вашего старичка", сказали нам хозяйева.

Что еще? Запомнилось, как он ел, особенно в первый свой визит — так едят не просто очень проголодавшиеся люди, а те, кто уже давно не имел сколько-нибудь приличной горячей пищи...

Томск, июль 1935 года. Из письма Н.А.Клэва В.Н.Горбачевой.

Горячо благодарю Вас, дорогая Варвара Николаевна, за сердоболье и милосердие ко мне горькому и недостойному. Гостинец Ваш по почтовому переводу получил. Летние месяцы старался Вас не беспокоить своими письмами. Знаю, как Вам дорого обходится летний отдых и как он нужен для Вас. На Вашу милость я жил в последние месяцы, как никогда. Купил пшена, чаю, сахару, каждый день хлеб и молоко, но жилища не смог переменить, хотя и были и по внутренним и внешним условиям благие и прекрасные кельи. К несчастью моему, не дешевле сорока рублей в месяц. У меня же общая изба, где народу 14 человек — мужичья и баб с ребятами. Моя бедная муза глубоко закрыла свои синие очи, полные слез и мучительных свидений. Пусть спит до первой утренней звезды! С тревогой и болью смотрю на первые хмурые тучи, на желтеющий уже березняк — показатель ранней сибирской 8^{ми}-месячной зимы. Как-то буду я кортять ее?

Здоровье мое сильно пошатнулось — лежал в больнице десять дней. Какая-то незнакомая доселе болезнь сердца и желудка: невыносимая боль. Лежал десять дней за плату 6 руб. в сутки. Бесплатно сильным лекарствам и больнице не полагается. Часто вспоминаю свои "заявления", где они и читал ли их кто? Есть ли вообще надежда на помощь мне и спасение?

Кострома, шестидесятые годы. Из воспоминаний В.В.Ильиной^{х)}.

^{х)} См. [выше] прим. редактора и/стр. III-121

Перед рождеством Слава^{*)} не здоровилась. Сидел дома. Против обыкновения, ему не писалось. Мне пришло в голову пригласить в гости Н.А.Клюеву. Мы любили его стихи. Здесь он отыскал ссылку. Я узнала адрес и пригласила на елку. Клюев пришел через несколько дней. Слава жила. Сидя у окна, Николай Алексеевич рассказал нам "Сказ о кэте Евстафии", как говорили северные сказители его родины. С выразительными звукоподражаниями, мимикой и жестами.

После смерти детей^{**)} у меня впервые появилось ощущение, будто я перенеслась в другой мир. На душе стало легче. Слава и дети^{**)} были в восторге. Клюев часто стал бывать у нас. Иногда долго засиживался и ночевал у нас. Рассказывал, что его арестовали в Москве. Выслали в Томск за саботаж собственной музе: он перестал печататься и работал над поэмами "О матери", "Беломор-канал"^{**)}. У него их отбрали. Наизусть их не помнил, рассказывал отрывки, дополняя остальные рассказами. Это было лучшее из всего, что он написал. К сожалению, он не хотел восстанавливать то, что помнил. Мы любили, когда он приходил. Больше всего я радовалась за Славу: для него эти беседы были лучшим отдыхом.

~~Игорь одушевлял только Клюева. Для Славы эти беседы были не только отдыхом. Он всю жизнь мучился тем, что не мог так написать о своем поэтическом мире, как ему хотелось. Он стоял~~

*) Р.С.Ильин

**) дочери Любани и сына Сергуни в августе 1933 и в июне 1934 годов.

**) Игорь, Аленушка и Ольга (примечания В.Д.Славнина)

**) Принципиально, ~~интересующий~~ речь идет о "Песни о Великой Матери", опубликованной посмертно. Вторая из названных поэм пока не найдена (прим. редактора).

Томск, октябрь 1935 года. Из письма Н.А.Клюева В.Н.Горбачевой.

Какое здесь прекрасное кладбище — на высоком берегу Томи, березовая и пихтовая роща, есть много замечательных могил... Но жаворонков и сельских ласточек по весне здесь не слышно. Ласточки только береговые и множество сизых ястребов. Еще до Покрова выпал глубокий снег, ветер низкий, всешарящий, и человечески бездомный. Мой знакомый геолог говорит, что и ветер здесь сильный из Памира или из-за Гималаев, — но не костромской, в котором сарочий щёкот и звинный дымок. Как Москва? Как писатели и поэты — как они, горемыки миленькие, проживают. Еялко сердечно Павла Васильева*) хоть и виноват он передо мной черной виной. Переживу зиму — на весну справлюсь. Теперь же я болен. Лежал три недели в смертном томлении, снах и видениях — под гам, мерзкую ругань днем и сирад и храпы ночью. Изба полна двунотим скотом — всего четырнадцать голлов. Не ему мои песни. Лютый скот не бывал в Гостях у Журавлей**). Может ли он быть любим? Но блажен тот, кто и скота милует!

Томск, февраль 1936 года. Из письма ей же.

До Прощенного Воскресенья бабы и мужики — соседи по избе всю неделю пили и дрались, сегодня же, к моему изумлению, все переключались мне в ноги, стучая о по лбам: "Прости, мол, дедушка, знаем, что тебя обижаем!" И я всем творил прощю. Весь это народ — сахалинские этцепены, по виду дикари, очень любят сати-

*) Васильев Павел Николаевич (р. в 1910) — поэт, расстрелян в 1937 г.

**)"В гостях у журавлей" — сб. стихотворений С.А.Клычкова (прим. редактора).

новые, расшитые татарским степем рубахи, нежно розовые или густо пунцовые, папахи дорогого кашмира с тульёй из хорошего сукна, перекрещенной кованым серебряным галуном, सबы любят брошки "с коралловой галовой", непременно в золоте — это считается большой модой — и придает ценность и самой обладательнице вещи. Остячки по юртам носят на шее бисерный панцирь, с огромным аквамаринем посредине; прямо какая-то Бирма! Спят с собаками. Нередко собака служит и подушкой. Избы у всех обмазаны изнутри, тепла ради, глиной и выбелены. Под слоями старого мела — залежи клэпэв. В обиходе встречаются вещи из черной меди, которые, наверно, видели Ермака и бывали в гаремах монгольских Каганов. Великое множество красоты гибнет. Купаясь в речке Ушайке, я нашел в щелке крест с надписанием, что он из Ростова и делан при князе Владимире. Так разворачивается моя жизнь в снегах сибирских. Покой нет. Всегда под угрозой, что тебя отправят в Березов или на Чукотский полуостров. Хотелось бы умереть под широкой весенней березой, когда еще клейкий пушок с листочков не съели тундровые вихри, и чтоб в тоненькую дудочку напиривала отдохнувшая лазуревая птичка. Об этом мое моление к вечным звездам! Обыкновенно при переброске сосильные посылают телеграммы своим близким, и те хлопчут перед Верховным Прокурором об оставлении. Если Вы, дорогая Варвара Николаевна, получите от меня такую весть, то от моего великого несчастья прошу Вас — сходить тогда в Камеру Прокурора — объяснить ему, что я уже был в Нарыме, теперь в Томске, и что я так скоро умру, так как неисправимо и тяжело болен! Но все это не медля ни на час после телеграммы, ибо на сборы времени не дается. Заявление во ВЦИК я вышлю отдельно. В Томске есть кой-

кто из милых и тоскующих по искусству людей, но я боясь зна-
комиться с ними из спасения, как бы наша близость не была
превратно понята. Приходил ко мне юноша с лирическими вели-
колепными стихами, но так как стихи были сплошь лиричны, по
музыке, чувству, краскам и слову изумительны, то я не сказал
о них правды, а послал поэта в местную газету, чтобы он был
ближе к жизни.

Томск, октябрь 1936 года. Из письма ей же.

Приветствую Вас, дорогая Варвара Николаевна! Я все еще ле-
жу. Хожу очень плохо — едва до скамеечки у ворот, чтобы пос-
ле общей изби, криков и брани — подышать сибирскими тучами,
снегом ранним, каким-то лохматым и густосивым, посмотреть на
звезды и на санцах памяти прокатиться по прошлому. Вот уже
скоро три года — мрачных, мучительных и тяжелых (как жернов на
шее), как я в изгнании, а теперь и калека... Умываюсь слеза-
ми. Огорчений каждый день не предусмотреть. Я беспомощен что-
либо промыслить и сделать для себя по пропитанию. Анна Исаев-
на — моя хозяйка по квартире, властная базарная баба, — взя-
лась меня кормить за 75 р. в месяц. На исходе месяца начина-
ются справки — получил ли я перевод и т.п. Следом идут брань,
придирки. Очень тяжело. Слез моих не хватает. И я лежу, лежу...
С опухшей, как бревно, ногой, с изжелта синей полумертвой ру-
кой. Напишите мне весточку; Ваши слова мне очень помогают!

Томск, 28 мая 1937 года. Из справки на арест Клюева Н.А.,
оставленной лейтенантом Великановым и утвержденной нач. Том-
ск. гораддела НКВД капитаном Гребезопасности Овчинниковым. ~~Это~~
— исходный документ, приведший к аресту поэта.

Имеющимися материалами в Томском Горотделе НКВД установлено, что КЛЮЕВ Николай Алексеевич является руководителем и идейным вдохновителем существующей в г. Томске контрреволюционной, монархической организации "Сюз Спасения России", в которой принимал деятельное участие, группируя вокруг себя контр=революционный настроенный элемент репрессированный Соввластью.

Присутствуя на контр=революционных собраниях КЛЮЕВ выдвигал вопросы борьбы с советской властью, путем вооруженного восстания.

Проживая в Ленинграде, КЛЮЕВ увязался с представителями иностранного государства и продал им свои контр=революционные произведения, которые, как выяснилось впоследствии, были напечатаны за границей.

Будучи враждебно настроен к существующему строю, находясь в ссылке в г. Томске КЛЮЕВ продолжает писать стихи контр=революционного характера, распространяя их среди некоторых участников контр=революционной организации.

Установлено, что некоторую часть своих контр=революционных произведений КЛЮЕВ переправил за границу и из г. Томска, через соответствующих лиц, имеющими связи с представителями иностранных государств.

В целях пресечения дальнейшей контр=революционной деятельности, КЛЮЕВ Николай Алексеевич подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58-2-10-11 УК РСФСР.^{*)}

*Москва, 1967 Из повести Владимира Чивилихина
Анжельск, 1986 год. Из предисловия Станислава Куняева к
"Над уровнем моря".
к сборнику стихотворений и прозы Н.А.Клюева.*

^{*)} Сохранена орфография и пунктуация подлинника, хранящегося в архиве Томского УКГБ (прим. редактора).

А на станции Таган работал в начале века Э.М. Коржин

~~О последних годах жизни поэта известно мало. Обстоятельства~~
~~появления, и на вокзале уби его смерти трагичны. Об этом написал Владимир Чивиликин в сво-~~
ей книге "Над уровнем моря": "...на вокзале, осенью 1937 года,
умер от разрыва сердца большой и сложный русский поэт Николай
Клюев. Его чемодан с рукописями исчез, и пока никто на свете не
знает, что написал Клюев в последние годы своей путаной и та-
инственной жизни".

Из почты "Знамени", журнал "Знамя", № 6, июнь 1989 года.

5 июня 1937 года с санкции военного (!) прокурора 78-й
стрелковой дивизии Н.А.Клюев был арестован. При аресте и обыс-
ке у него были изъяты и впоследствии по приговору суда конфис-
кованы рукописи — небольшая тетрадь (всего четыре листа) и
шесть отдельных листов, девять разных книг и удостоверение лич-
ности № 4275, с которым слыльный два раза в месяц, 1 и 20 чис-
ла, обязан был являться на регистрацию в горотдел НКВД. Разу-
меется, отыскать эти страницы сегодня не представляется воз-
можным, скорее всего они были тогда же уничтожены за ненуж-
ностью. А рассказ о чемодане с рукописями, увы, легенда.

На другой день состоялся допрос. Собственно, это был даже
не допрос — поэта спросили только о том, за что он был осуж-
ден и выслан — допрос, поменьшей мере странный в устах сле-
дователя. Следующий допрос состоялся 9 октября 1937 года, че-
рез четыре месяца после первого. Этот допрос был ~~мин~~ и последним,
но для рассказа о нем понадобится некоторое отступление.

В 1924 году барон Врангель создал "Русский общевосточный
Союз", пытавшийся — не без успеха — объединить русской эми-
грантское войнство. После смерти Врангеля РОВС возглавляли

небезызвестные генералы Кутепов, Миллер и другие, к РОВС имели отношение многие видные деятели белой эмиграции. Попытки РОВС осуществить какие-либо крупные операции против Советской власти решительно пресекались активными действиями нашей контрразведки, и постепенно РОВС вынужден был перейти к мелким диверсиям, террористическим актам и т.п.

Это был естественный исторический процесс, противоречивший тем не менее теории обострения классовой борьбы. По этой теории РОВС должен был заниматься чем-то крупномасштабным. И вот на территории Сибири возникла его дочерняя организация — контрреволюционный, кадетско-монархический повстанческий "Сюз спасения России".

На втором допросе Н.А.Кляеву было предъявлено обвинение в том, что он является одним из руководителей и идейных вдохновителей "Сюза". Н.А.Кляев виновным себя не признал, заявив, что "ни в какой контрреволюционной организации не состоял, к свержению Советской власти не готовился". Были — как и всегда — показания знакомых Кляеву членов Союза, изобличавшие поэта в контрреволюционной деятельности. Николай Алексеевич признал, что разговоры, которые можно признать антисоветскими, он действительно вел, что говорил о неизбежности нападения фашистов на СССР (кто тогда об этом не говорил!), более того, он не отказался от того, что по убеждениям он монархист. Но он никогда не обсуждал вопроса ни о вооруженном восстании, ни о какой-либо организации.

Тогда от Кляева потребовали правдиво сообщить об организации, "так как следствием он достаточно изобличен". Не признав этого, Кляев отказался от дальнейших показаний, т.е., допрос

сту гвэря, отказался клеветать на своих томских знакомых. Сколько из них он спас?..

13 октября 1937 года Тройка НКВД Новосибирской области вынесла постановление о расстреле Ключева Н.А. за контрреволюционную деятельность повстанческую. А далее в деле есть документ, страшный и по своей нелепости, и по своей правдивости. В нем указывается, что приговор приведен в исполнение 23-25 октября 1937 года. Трехдневный расстрел? Естественным может быть только одно объяснение — Тройка столько "наработала" во время очередной командировки в Томск, что выполнить ее решения за один день (одну ночь?) было невозможно. Приговоренных "сактировали" за три дня, а уж кто и когда хитенно, для исполнителей не имело значения.

военного

В июле 1960 года Военный трибунал Сибирского округа установил, что никем и ничем руководить Н.А.Ключев не мог — кадетско-монархического повстанческого "Сюза спасения России" вообще не существовало, он возник лишь в воображении верных учеников наркома Ежова. 29 июля поэт был полностью реабилитирован ~~вплоть до~~ и дело с ним производством прекращено за отсутствием события преступления.

Вытегра=Ленинград, 23 октября 1989 года, день памяти Николая Ключева. Из стихотворений Валерия Шумилина.

Л.Ф.Пичурину

Старо=Ачинская, 13

(Последнее пристанище Николая Ключева в Томске)

Как мне в прошлом достучаться,
встретив день над рекою Тэмь?

Старо-Ачинская, 13,

покосившийся, старый дом.

Дом, я в гости к тебе приеду,

будем вместе встречать зарю.

На скамейку присев, как с дедом,

секривно поговору:

— Дед, — спрошу, ты, надеюсь, помнишь,

(ведь не зря я тебя нашел),

как чекисты вломилась в полночь,

как стонал под ногами пол?

Стены вмиг наострили уши, —

вперемешку и стук, и брань.

Словно обух, свой гнев обрушив,

гаркнул ^{олеся} ~~агрессивный~~: — Эй, контра, встань!

Сослынный глянул с печалью гордой,

чуть помедлив, сказал в ответ:

— Не бывает поэты контрой,

не варнак, а вонди поэт!

— Брось в шисаки ридиться, дядя!

Недобиткам брежни с руки.

Это что у тебя в тетради?

Прокламации?!
 .

— Нет, стихи.

Лился сумрак, густой и синий,

как предвестник большой беды.

Майской ночью злобеще иной

веял халэдом с бороды.

Арестованный вышел в сени,

мадиэ воду хлебнул с ковши.

Как виденье, возник Есенин,
озарилась строкѣй душа:

"Я последний поэт деревни..."

"Нет, Сереженька, видит Бог,
у поэзии — корень древний,
и поэтому он глубок.

Кто-то вздумал рубить под корень,
неугодливых муз кланя.

Но, Сереженька, будь покорен:
ветви могут возрасти от пня.

Богородица, Матерь=Дева,
дай надежды небесный свет.

У Поэзии вечно древо:

тут последний, Серега, нет.

Будет времечко, чую сердцем, —
возродимся из праха мы.

Да поможет Русь погорельцам
вместе с солнцем взойти из тьмы!

А пока отдадимся кратко

Горемичиѣй своей судьбе..."

— Ты чего размечтался, контра?

Шевелись, гворят тебе!

"Контра!" Кто эту чушь придумал?

Я ответ этискать хочу.

Кто на музу в безумстве дунул,

Погасив ее, как свечу?

Слезил в бездну, во мрак бессладно

канул Клюев, сойдя с крыльца.

Какова же цена бессмертья?

Девять граммов — глоток свинца!